

УДК 340.115.7

DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Юридические формы политики Османского государства на Северо-Западном Кавказе: на примере Анапского наместничества (1782-1828)

Шаов Ибрагим Капланович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: shaov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу важнейшего института османского государства в регионе Северо-Западного Кавказа – Анапскому наместничеству. Его территория охватывала все так называемое Закубанье (река Кубань являлась признанной границей между Российской и Османской империями до начала русско-турецкой войны 1828–1829 гг.) и черноморское побережье до нижнего течения Бзыби. В плане развития государственных институтов это была территория племен (шапсуги, убыхи и др.) и княжеств (Жанэ, Хатукай, Темиргой и др.). В плане этнографического деления здесь проживали две численно доминирующие группы – черкесы и абазины. Соответственно этому, на территории анапского «пашалыка» не была внедрена османская административная система. В начальной стадии организации находилась османская (мусульманская) система правосудия (суды кадиев). Анапское наместничество включало в себя две нечетко разграничиваемые территории – черкесский вилайет (Закубанье) и абазский вилайет (побережье). Эти категории отражены в массе источников, но на деле это были условные географические наименования. Наиболее функциональный уровень в организации деятельности анапского наместничества, которое так и не превратилось в полноценный пашалык, был связан с вопросами приграничного контроля и регулирования, а также дипломатической защитой местного населения.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаов И.К. Юридические формы политики Османского государства на Северо-Западном Кавказе: на примере Анапского наместничества (1782-1828) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 38-46. DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Ключевые слова

Османская империя, жалованная грамота (берат), Анапское наместничество, дипломатическая защита, черкесы, абазины.

Введение

Присоединение Кавказа к Российской империи (далее – РИ) является комплексной научной проблемой, при анализе которой необходимо опираться не только на исторические, но и на историко-правовые методы. Развитие отечественной историографии с самого начала – со времени появления больших нарративов Кавказской войны (В.А. Потто, Н.Ф. Дубровин, Р.А. Фадеев) – не пошло по этому пути. Упор был сделан на типичный колониалистский дискурс, предполагающий изложение истории через борьбу цивилизации с варварством на далеких окраинах европеизированной империи. При таком подходе в центре исследовательского внимания оказывались специфическим образом препарированные данные из области исторической этнографии: набеги горских племен, родоплеменные пережитки, воинственность, религиозный радикализм (мюридизм).

Целью этой статьи является реконструкция событий в рамках научной дисциплины теория и история права и государства. В центре исследовательского внимания будут находиться государственно-правовые отношения адыгов и абазин Северо-Западного Кавказа с Османской империей (далее – ОИ), оформленные главным образом в виде института Анапского (Суджукского) наместничества. Соответственно, мы постараемся показать, что османское правительство осуществляло действенный контроль и управление сложной племенной территорией, отделенной от метрополии Черным морем. А отсюда вытекает второй важный посыл: посмотреть на присоединение Северо-Западного Кавказа к РИ как легитимный процесс передачи провинции из состава одной империи в состав другой.

Правовые формы османского подданства на Северо-Западном Кавказе

После того, как во второй половине XVI в. установились достаточно стабильные и институализированные отношения подданства, османское правительство стало ограничивать произвол своих наместников в кавказском регионе, вплоть до смертной казни [Смирнов, 2005, 382].

Еще одной формой, в которой нашло отражение вхождение черкесских и абазинских земель в состав ОИ, являлась дипломатическая защита. Османское правительство на системном уровне обеспечивало дипломатическую защиту населения Северо-Западного Кавказа. Вопрос о защите или выкупе пленных поднимался на уровне великого визиря в 1585 г. (об освобождении таманских черкесских князей с их людьми) [Кумыков, 1957, I, 40-45]; крымского хана – в 1686 г. [Миргалеев, 2018, 274] (об освобождении группы черкесских рыбаков); калги (наследного принца из Гераев и, фактически, соправителя ханства) – в 1640 (об освобождении черкеса Луристана) [там же, 497]. В 1753 г. бесленевцы, переселенные в Кабарду в числе 300 дворов, определены русской администрацией как турецкоподданные, и что их необходимо вернуть на прежнее место [Кумыков, 1957, II, 184]. В 1783 г. османский комендант Суджук-кале Сулейман-паша высказал А.В. Суворову свою обеспокоенность концентрацией российских военных частей на Кубани и напомнил ему, что тот не вправе пересекать границу между державами [Черкесы..., 2000, III, 309]. В 1796 г. османский наместник в Анапе Сеид-Мустафа требовал от российских военных властей на Кубани не вмешиваться военным путем в междоусобный конфликт черкесов [Сивер, 2012, 13].

Усиление Российской империи и нахождение ее войск в Крыму и на Кубани после 1772 г.

(по условиям русско-крымского Карасубазарского мира) резким образом изменили отношения ханства и Порты. Одна из линий напряжения пролегла по Кубани и Северо-Западному Кавказу: зависимое от РИ ханское правительство при поддержке российских резидентов стало обосновывать положение о необходимости признания власти Бахчисарая над черкесами, тогда как османская дипломатия и паши Суджук-кале (на тот период главного центра османской власти в регионе) доказывали, что черкесские и абазинские владения с конца XV в. были под властью ОИ [Смирнов, 2005, 2, 185]. В 1778 г. ведущие закубанские султаны (герайские ханычи), черкесские князья и старшины собрались у Сулейман-аги, коменданта Суджук-кале, и подтвердили свои прежние присяги османскому султану [Дубровин, 1887, 437]. Сулейман-ага выдал жалованье Заурбек-бею, владельческому князю Хегака (на землях которого будет через несколько лет основана Анапская крепость): это были четыре мешка пиастров (1200 рублей), шуба (почетный дар у османов). Кроме того, Заурбек-бей был назначен «суджуцким беем», т.е. османским наместником в землях, прилегающих к крепости Суджук-кале [там же, 203-215]. Турецкая эпитафия сыновьям Зана Заур-беку и Усман-беку от 30 июля 1779 г. (15 раджаба 1193 г.х.) из Анапы позволяет определить дату перехода властных полномочий в Хегাকে к Мехмед-Гирею Зану, сыгравшему важную роль в истории возникновения этой османской крепости [Лавров, 1968, II, 69].

Дипломатическая борьба была завершена актом согласия в декабре 1783 г. Согласно 2-й и 3-й статьям Константинопольского акта официальный Петербург отказался от притязаний на бывшие ханские владения в Закубанье, а река Кубань была признана границей между двумя империями [Акт..., 1830, 1082-1083].

Районы причерноморской Черкесии в османской географической и этнополитической номенклатуре наименований считались Абазией [Челеби, 1979, 47-48]. В этой связи использовалось определение «абазские беи», которое в русской канцелярской традиции превратилось в «абазинских беев». В этнолингвистическом плане эти причерноморские абазинцы (жители Абазии) были адыгами (натухаевцами и шапсугами), убыхами и собственно абазинами (садзами): последние занимали сочи-адлерский участок побережья и горный сектор над ним. В политико-юридическом контексте принципиально важным обстоятельством является то, что все кавказское побережье было территорией непосредственного османского контроля.

В черкесском секторе «Абазии» данный контроль осуществлялся из Суджук-кале. Абдул-Резак-эффенди в переговорах с русским посланником А. Стахиевым в 1777 г. совершенно определенно заявлял: «Абазинцы находятся под управлением Блистательной Порты» [Дубровин, 1887, 321]. В этот период султан жаловал и утверждал своим *бератом* «князя или начальника абазинцев» [там же]. Посол в Турции Я. Булгаков в ноябре 1781 г. сообщал о прибытии в Стамбул «депутатов из Абазинской земли»: это были представители натухаевцев и шапсугов [Дубровин, 1889, 292]. Высокопоставленный русский источник в 1816 г. признавал существование «удела земли вплоть до Черного моря, принадлежащего турецкому императору» и «владения турецкого на отдельном краю тощей Абазии» [Бильбасов, 1902, 148-152].

В османской картографии (1691 г., Абубекир Эфенди) появился административный округ под названием «Абазинский вилайет». Северная покатость кавказского хребта и бассейн реки Кубань считался «Черкесским вилайетом» [Ибрахи, 1988, 52-53]. К нему эпизодически относили Кабардинское владение и при таком подходе этот вилайет оказывался равен Черкесии (не только в ее этнических границах, но и в политических, которые включали горские общества Центрального Кавказа). В османской государственной канцелярии пользовались также такими определениями, которые представляли Черкесию как некое автономное политическое целое в

составе империи – «черкесское государство» (мемлекет-и черкес), «черкесское владение» (черкес-эли) [Kırzioğlu, 1998, 59, 78].

Организация Анапского наместничества

Османское правительство в 1782 г. назначило Ферах Али-пашу, опытного администратора и грузина по происхождению, наместником Суджук-кале и черкесских земель. Ферах Али-паша привел к присяге на верность османскому государству и падишаху представителей 11 бейликов: Демиркей, Бесни, Безадуг, Хатукай, Жане и др. Памятуя о больших таможенных сборах в Кефе (от экспорта зерна и рыбы), Ферах Али-паша предложил ввести в западных районах Черкесии от Кызылташа до Суджук-кале систему ильтизама (араб. «откуп»), которая применялась в Османской империи как механизм сбора налогов. Это была откупная система взимания налогов, в том числе и феодальных податей. Откупщик-мультазим наперед вносил в казну установленную сумму налогов с определенной территории. Реформа не удалась по той основной причине, что на местах у османской власти не было полномочных представителей, которые обладали бы необходимым авторитетом в глазах населения. Более того, черкесы считали, что они не обязаны платить налоги, но, напротив, имеют право претендовать на жалованье и подарки, как пограничные воины [Федакяр, 2019, 3]. При суджукском паше на постоянной основе находилось порядка тысячи черкесских солдат.

Под руководством этого паши было осуществлено строительство Анапской крепости, а также предприняты некоторые усилия по строительству «глиняных» крепостей в прикубанских владениях Хатукай, Жанэ, Бжедуг и Темиргой [там же, 7]. В. Новицкий отмечает, что местность, на которой возникла новая большая крепость, принадлежала Мехмед-Гирею Зану и что он добровольно уступил ее туркам [Новицкий, 1853, 15-16].

М.-Г. Зан упомянут в апреле 1782 г. как представитель османского правительства, взаимодействующий с черкесско-татарским населением Таманского полуострова [Черкесы, 2000, III, 160]. В том же году, в августе, русский источник сообщал из Стамбула о деятельности М.-Г. Зана в Анапе (где уже существовали рынок и таможня) и определяет его статус как «посланный от Порты» [там же, 175]. Благодаря организационной деятельности Зана османским властям удалось увеличить население Анапы за счет таманских и ногайских переселенцев. Переселение осуществлялось по фирману султана, который был обнародован М.-Г. Заном в таманском населенном пункте Шанк [там же, 206].

В 1782 г. Арслан-бей Болотоков, старший князь Темиргоя, подписал свое письмо к коменданту Суджук-кале Ферах Али-паше как «глава Кемиргоя Арслан-бей» [История..., 2009, 16]. То есть, подчеркивается, таким образом, статус османского управленца. Характерно и содержание письма, в котором Арслан-бей извещает об обстановке на границе, о необходимости ее усилить, обеспечить черкесов боеприпасами и артиллерией, прислать регулярные части. В 1790 г. в Стамбул прибыло посольство бесленеевских и кабардинских владельцев во главе с Генанслы Мехмед-беем. Порта оплатила расходы на проезд и проживание депутации: источник сообщает, что по прибытии в столицу им были выданы «один комплект прекрасной одежды и деньги на карманные расходы» [там же, 24-25].

Рубежным событием войны 1787–1791 гг. стал захват русскими войсками Анапы. Первые два приступа обернулись большими людскими потерями [Бутков, 1869, 2, 211, 217-220]. Третье наступление на Анапу в июне 1791 г. заканчивается ее взятием войсками генерал-аншефа И.В. Гудовича. М.-Г. Зан, побывав в плену (с июня по декабрь 1791 г.) в составе группы высших

османских офицеров, возвратился в Анапу и в прилегающие к ней фамильные владения по условиям обмена пленными. Османский источник характеризует его как «преданного слугу Османского государства» [История..., 2009, 26]. Он действовал как представитель Порты на западе Черкесии и добился возвращения всех «взятых в заложники с абазско-черкесского села Деркбеш». В этом его статусе вряд ли стоит сомневаться, поскольку именно он информировал османское правительство о том, что русские вывели свои войска из османского Закубанья: «начиная с сегодняшнего дня в черкесской и абазской частях Кубани войск Москофа не осталось». Посетив Стамбул, Зан-оглу получил *кудумия* – деньги на карманные расходы и одежду, «так как это почетно для государства и сам князь является знатным и уважаемым среди всего черкесского племени». Также он получил фирман, который наделял его полномочиями султанского наместника среди анапских черкесов и ногайцев [там же, 27].

М.-Г. Зан в 1793 г. выступил как посредник в урегулировании конфликта между османской администрацией и натухаевским обществом. Для юрисдикции ОИ над Северо-Западным Кавказом характерна неспособность (или нежелание?) Порты наказывать черкесских мятежников и тех, кто нарушал спокойствие на границе [Дубровин, 1885, 683]. В 1798 г. анапский Осман-паша попытался установить свою власть, но отряда в полторы тысячи солдат оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы разогнать мятежных горных шапсугов.

После почти полного разрушения крепостных сооружений Анапы войсками Гудовича в 1791 г., османы сумели полностью восстановить крепость к 1798 г. Сохранилась каменная плита с турецкой надписью – восхвалением султана Селима III (1789–1807): «Положил основу Анапской крепости султан Селим. 1212. Крепость воздвиг хан Селим, стала Анапа бесподобной. 1212». Эта последняя строчка «тариха» указывает на 1798 г. [Веселовский, 1914, 78-79].

В 1807 г. Анапа без боя была занята контр-адмиралом Пустошкиным. В 1809 г. она во второй раз (в ходе одной войны) была захвачена эскадрой капитан-лейтенанта Перхунова. В Анапе появился гарнизон во главе с ген.-м. Бухгольцом [Потто, 1885, 640]. Затем, после подписания мира с Турцией (Бухарестский мирный договор), крепость со всей округой вернулась под турецкий контроль. Во время нахождения Анапы под российским контролем (1809–1812) М.-Г. Зан не оставил свое владение и, получив звание полковника, начал адаптироваться к новой политической реальности.

В ноябре 1824 г. наместником Анапы стал Чечен-заде Хасан-паша, который совмещал эту должность со своим прежним и более почетным постом губернатора (*вали*) Трапезунда [Bilge, 2005, 186]. 9 октября 1826 г. А.П. Ермолов информировал К.В. Нессельроде: «Хасан-паша сзывает к себе депутатов от всех обитающих по левому берегу Кубани народов, дарит их, приводит к присяге на верность подданства Турции и берет аманатов» [АКАК, 1875, VI/2, 442]. Присягнули и предоставили паше аманатов также и карачаевцы [АКАК, 1878, VII, 866-867].

Османский наместник в Анапе был своего рода верховным арбитром, к услугам которого прибегали для разрешения социальных и юридических конфликтов. В 1827 г. возле Анапы состоялся большой съезд под председательством Хасан-паши Чечен-оглу, в котором приняли участие князья, дворяне и старшины «всех черкесских народов, начиная от Кабарды» [Люлье, 1857, 230]. Представители кабардинцев могли быть только от так называемых «беглых кабардинцев», переселившихся из Большой Кабарды в османское Закубанье в 1822–1825 гг. Главный вопрос, который обсуждался на этом съезде – о возвращении бывших зависимых крестьян к их владельцам. Османский сановник попытался решить эту проблему в пользу знати, но оказалось, что такое решение не может устроить близко расположенные к Анапе и многочисленные горские «племена».

В 1827 г. Хасан-паша направил в Диван прошение об усилении войск в Анапе. В роли посланца паши выступил бжедугский князь Пшикуй Ахеджак: «посол был принят с особенными знаками милости: ему дали чин полковника вновь учрежденного регулярного войска и форменную одежду нового образца от имени Махмуда II, которому два раза он представлялся; показывали ему все достопримечательности столицы; осыпали его богатыми подарками и отпустили, уверив в особенно милостивом расположении падишаха к черкесским племенам» [Султан Хан-Гирей, 2009, 533]. П. Ахеджак находился в Стамбуле у С. Зана, который также убеждал султана в необходимости усилить османское присутствие в Анапе [История..., 2009, 45]. С. Зан примет деятельное участие в обороне Анапы в мае-июне 1828 г. [Веселовский, 1914, 56].

Заключение

Анапское (Суджукское) наместничество на протяжении столетия осуществляло власть османского султана в землях Северо-Западного Кавказа. В плане исторической типологии это были отношения имперского центра с племенной периферией. Они выстраивались через отношения вассалитета: старшие князья кавказских владений приносили присягу и получали почетные дары. Юридическое закрепление этих отношений подданства производилось в виде *берата* – жалованной грамоты. Черкесское и абазинское население (а также карачаевцы, которые также относились к группе так называемых «закубанских народов») не были обложены налогами. Напротив, они эпизодически (в случае обострения отношений с РИ) получали жалованье, а их предводители – воинские чины.

Организация Анапского наместничества в 1782 г. произошла в условиях нарастания борьбы двух империй за контроль над Кавказом. Анапский паша осуществлял функции наместника в условиях неполной интеграции населения Северо-Западного Кавказа в политико-правовое пространство ОИ. Наиболее явным образом ограниченность властных полномочий анапского паши проявлялась в невозможности сбора налогов и в неспособности наказывать преступников из числа местных жителей. Отчасти эта системная слабость компенсировалась за счет мобилизации местных ополчений в период русско-турецких конфликтов, а также осуществления политического и юридического арбитража. Существенной юридически значимой чертой этого типа подданства стала дипломатическая защита.

Особенность государственно-правового статуса как «закубанских народов», так и Анапского наместничества проявлялась в посольской деятельности. При полной интеграции подвластного населения, османские администраторы не стали бы выступать в роли посредников и организаторов дипломатического канала между населением «пашалыка» и Портой. Соответственно, сам факт частых посольств западнокавказских владельцев и иных представителей в Константинополь является показателем неполной интеграции данного региона в состав османского государства.

Библиография

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Т. VI. Ч. 2. 1875. 950 с.; Т. VII. 1878. 994 с.
3. Акт, заключенный в Константинополе между Ее Императорским Величеством и Портой Оттоманской. О мире, торговле и границах обеих государств. 28 декабря 1783 г. // ПСЗРИ. Т. XXI. СПб., 1830. С. 1082-1083.
4. Бильбасов В.А. (ред.) Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. XXII. 743 с.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб.: Типография Императорской

- академии наук, 1869. Ч. 1. 547 с.; Ч. 2. 601 с.; Ч. 3. 620 с.
6. Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг.: Типография главного управления уделов, 1914. 74 с.
 7. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. В 4-х томах. СПб.: Типография императорской академии наук, 1885-1889. Т. 1: 1775-1777 гг. 1885. VI, XXVI, 873 с.; Т. 2. 1778-1885. XX. 924 с.; Т. 3. 1779-1780 гг. 1887. XXII. 741 с.; Т. 4. 1781-1782 гг. 1889. XXVIII. 1004 с.
 8. Ибрахим Эфенди Печеви. История. Баку: Элм, 1988. 98 с.
 9. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. Нальчик, 2009. 404 с.
 10. Кумыков Т.Х. (ред.) КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. I. 478 с.; Т. II. 424 с.
 11. Лавров Л.И. (ред.) Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. 222 с.
 12. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 227-237.
 13. Миргалеев И. (ред.) Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова. Симферополь: Константа, 2018. 816 с.
 14. Новицкий В. Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. II. Тифлис, 1853. С. 14-43.
 15. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1885. 805 с.
 16. Сивер А.В. (сост.) Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793-1914 гг.). Нальчик, 2012. 158 с.
 17. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. В 2-х томах. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 541 с.; Т. 2. 314 с.
 18. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. 672 с.
 19. Федакяр Дж. Крепость Анапа // International Journal of Russian Studies. 2019. No. 8/1. P. 1-28.
 20. Чедия А.Р. Западный Кавказ в черноморской политике Османской империи в XVII – первой четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 278 с.
 21. Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
 22. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик: Эль-Фа, 1998. Т. II: 1775–1780 гг. 506 с. Нальчик: Эль-Фа, 2000. Т. III: 1781-1786 гг. 330 с.
 23. Якубова И.И. (ред.) Российско-северокавказские отношения в XVIII веке. Нальчик, 2011. 195 с.
 24. Bilge S.M. Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasî-Askerî Tarihi ve İdarî Taksimâtı (1454–1829). İstanbul: EREN, 2005. 295 s.
 25. Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. 552 s.
 26. Mappa Dell'Impero Ottomano. Composta da Abubekir Efendi.

Legal forms of the policy of the Ottoman State in the Northwest Caucasus: on the example of the Anapa Vicegerency (1782-1828)

Ibragim K. Shaov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: shaov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the most important institution of the Ottoman state in the North-West Caucasus region – the Anapa governorship. Its territory covered the entire so-called Trans-Kuban region (the Kuban River was the recognized border between the Russian and Ottoman

Ibragim K. Shaov

empires before the Russian-Turkish War of 1828–1829) and the Black Sea coast to the lower reaches of Bzyb. In terms of the development of state institutions, this was the territory of tribes (Shapsugs, Ubykhs, etc.) and principalities (Zhane, Khatukai, Temirgoy, etc.). In terms of ethnographic division, two numerically dominant groups lived here – Circassians and Abazas. Accordingly, the Ottoman administrative system was not introduced on the territory of the Anapa “pashalyk”. The initial stage of organization was the Ottoman (Muslim) justice system (Qadi courts). The Anapa governorship included two vaguely delimited territories – the Circassian vilayet (Trans-Kuban region) and the Abaza vilayet (coast). These categories are reflected in a lot of sources, but in reality, they were conventional geographical names. The most functional level in organizing the activities of the Anapa governorship, which never turned into a full-fledged Ottoman pashalyk, was associated with issues of border control and regulation, as well as diplomatic protection of the local population.

For citation

Shaov I.K. (2023) Yuridicheskie formy politiki Osmanskogo gosudarstva na Severo-Zapadnom Kavkaze: na primere Anapskogo namestnichestva (1782-1828) [Legal forms of the policy of the Ottoman State in the Northwest Caucasus: on the example of the Anapa Vicegerency (1782-1828)]. Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 38-46. DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Keywords

Ottoman Empire, charter (berat), Anapa governorship, diplomatic protection, Circassians, Abazas.

References

1. (1974) *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries]. Nalchik: El'brus Publ.
2. (1875, 1878) *AKAK – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis. Vols. VI, VII.
3. (1830) Akt, zaklyuchennyi v Konstantinopole mezhdru Ee Imperatorskim Velichestvom i Portoï Ottomanskoi. O mire, torgovle i granitsakh obeikh gosudarstv. 28 dekabrya 1783 g. [An act concluded at Constantinople between Her Imperial Majesty and the Ottoman Porte. About peace, trade and the borders of both states. December 28, 1783]. In: *PSZRI. T. XXI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXI]. St. Petersburg.
4. Bil'basov V.A. (ed.) (1902) *Arkhiv grafov Mordvinovkh. T. 5* [Archive of Counts Mordvinosv. Vol. 5]. St. Petersburg.
5. Bilge S.M. (2005) *Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasi-Askeri Tarihi ve İdari Taksimâtı (1454–1829)*. İstanbul: EREN.
6. Butkov P.G. (1869) *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 gody* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Parts 1-3.
7. Chediya A.R. (2019) *Zapadnyi Kavkaz v chernomorskoï politike Osmanskoi imperii v XVII – pervoi chetverti XIX v. Doct. Dis.* [Western Caucasus in the Black Sea policy of the Ottoman Empire in the 17th – first quarter of the 19th century. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Chelebi E. (1979) *Kniga puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya* [Book of Travel (Extracts from the works of a Turkish traveler of the 17th century). Vol. 2: Lands of the North Caucasus, Volga region and Don region]. Moscow: Nauka Publ.
9. (1998, 2000) *Cherkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatritsy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the North-West Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. Nalchik: El'-Fa Publ. Vols. II, III.
10. Dubrovin N.F. (1885, 1887, 1889) *Prisoedinenie Kryma k Rossii. V 4-kh tomakh* [Annexation of Crimea to Russia. In 4 volumes]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Vols. 1-4.
11. Fedakyar J. (2019) *Krepost' Anapa* [Anapa Fortress]. *International Journal of Russian Studies*, 8/1, pp. 1-28.
12. Ibrahim Efendi Pechevi (1988) *Istoriya* [History]. Baku: Elm.
13. (2009) *Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva. Vyp. 1* [History of the Circassians in

- documents of the Ottoman State Archive. Vol. 1]. Nalchik.
14. Kırzioğlu M.F. (1998) *Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
 15. Kумыков Т.К. (ed.) (1957) *КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Moscow. Vols. I-II.
 16. Lavrov L.I. (ed.) *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 2: Inscriptions of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ.
 17. Lyul'e L.Ya. (1857) O natukhazhsakh, shapsugakh i abadzekhakh [About the Natukhazhians, Shapsugs and Abadzekhs]. In: *ZKOIRGO. Kn. IV* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book IV]. Tiflis.
 18. *Mappa Dell'Impero Ottomano. Composta da Abubekir Efendi.*
 19. Mirgaleev I. (ed.) (2018) *Dokumenty Krymskogo khanstva iz sobraniya Khuseina Feyzkhanova* [Documents of the Crimean Khanate from the collection of Hussein Feyzkhanov]. Simferopol: Konstanta Publ.
 20. Novitskii V. (1853) Anapa i zakubanskіe poseleniya [Anapa and Trans-Kuban settlements]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. II* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book II]. Tiflis.
 21. Potto V.A. (1885) *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. T. 1: Ot drevneishikh vremen do Ermolova* [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies. Vol. 1: From ancient times to Ermolov]. St. Petersburg.
 22. Siver A.V. (comp.) (2012) *Materialy po istorii zapadnykh adygov. (Arkhivnye dokumenty 1793-1914 gg.)* [Materials on the history of Western Circassians. (Archival documents 1793-1914)]. Nalchik, 2012. 158 s.
 23. Smirnov V.D. (2005) *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoi Porty. V 2-kh tomakh* [Crimean Khanate under the rule of the Otoman Porte. In 2 volumes]. Moscow: Rubezhi XXI Publ. Vols. 1-2.
 24. Sultan Khan Giray (2009) *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-YuG Publ.
 25. Veselovskii N.I. (1914) *Voенно-istoricheskii ocherk goroda Anapy* [Military-historical sketch of the city of Anapa]. Petrograd: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov Publ.
 26. Yakubova I.I. (ed.) (2011) *Rossiisko-severokavkazskie otноsheniya v XVIII veke* [Russian-North Caucasian relations in the 18th century]. Nalchik.